МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№ 14.

Подписка принимается въ редакціи «Епархіальныхъ Вѣдомостей», при Могилевской духовной семинаріи.

11 ноября Годъ I. 1883 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ.

Ректору С.-Петербургской духовной академіи, протоіерею Іоанну *Янышеву* Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть духовникомъ Нашимъ, протопресвитеромъ соборовъ Большаго въ Зимнемъ дворцѣ и Московскаго Благовѣщенскаго и завѣдывающимъ придворнымъ духовенствомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*".

Въ Гатчинѣ.
19-го октября 1883 г.

Высочайшія повелѣнія.

Государь Императоръ, въ 25-й день октября 1883 года, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи викарію Волынской епархіи, преосвященному Острожскому *Израилю*—епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ.

— Государь Императоръ, въ 25-й день октября 1883 года, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи настоятелю Московскаго Срѣтенскаго монастыря и члену Московской духовной консисторіи архимандриту *Антонину*—

епископомъ Старицкимъ, викаріемъ Тверской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ С.-Петербургѣ.

— Государь Императоръ, въ 22-й день минувшаго октября, Всемилостивѣйше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 28 сентября—13 октября сего года, о назначеніи перваго викарія С.-Петербургской епархіи, епископа Ладожскаго *Арсенія*, на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи, съ производствомъ ему положеннаго по сей должности содержанія.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Виталію, Епископу Могилевскому и Мстиславскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Высочайше утвержденный въ 25 день октября 1883 года, всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи Ректору Могилевской духовной семинаріи архимандриту *Александру* Епископомъ Острожскимъ, викаріемъ Волынской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ Епископскій санъ произведено было въ С.-Петербургѣ. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ докладѣ Святѣйшаго Синода объявить Вашему Преосвященству и удостоенному Епископской степени архимандриту Александру указами, съ предписаніемъ послѣднему, чтобы онъ, по сдачѣ установленнымъ порядкомъ настоящей своей должности, кому отъ Вашего Преосвященства поручено будетъ, прибылъ въ С.-Петербургъ для нареченія и посвященія въ Епископскій санъ. Октября 28 дня 1883 года. № 3342.

Подлинный подписали: Оберъ-Секретарь *А. Гавриловъ*.

Секретарь *Сомовъ*.

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Награжденіе набедренниками.

Священникъ Зимницкой церкви, Быховскаго уѣзда, Симеонъ *Пославскій* и Сѣннинскаго уѣзда Словенской церкви священникъ

Василій *Гольнецъ* 9-го числа прошлаго октября Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Виталіемъ, Епископомъ Могилевскимъ и Мстиславскимъ, награждены набедренниками.

Назначеніе на должность священника.

— Резолюціею Его Преосвященства отъ 1-го сего ноября учитель Надѣйковичскаго училища Иванъ *Шабуніо* назначенъ помощникомъ настоятеля къ Смольянской Преображенской церкви, Оршанскаго уѣзда.

Посвященіе въ стихарь.

— Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Виталіемъ, посвящены въ стихарь слѣдующіе воспитанники VI класса Могилевской духовной семинаріи: Николай *Гринкевичъ*, Александръ *Поликарповичъ*, Петръ *Рацевичъ* и Иларіонъ *Соколовъ* (22-го); Василій *Саульскій*, Левъ *Суходольскій*, Павелъ *Квятковскій* и Андрей *Зеньковичъ* (23-го); Петръ *Кириловичъ*, Лавръ *Лавровскій* и Александръ *Трусевичъ* 30-го числа минувшаго октября.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ МОГИЛЕВСКАГО ГУБЕРНАТОРА

Гг. предводителямъ дворянства, непремѣннымъ членамъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, уѣзднымъ исправникамъ, Могилевскому полиціймейстеру, городскимъ головамъ, городовымъ и сельскимъ врачамъ, становымъ и частнымъ приставамъ, полицейскимъ надзирателямъ и помощникамъ приставовъ,—*относительно предохранительныхъ мѣръ на случай появленія въ Россіи холерной эпидеміи.*

Въ виду достовѣрныхъ газетныхъ свѣдѣній о быстромъ распространеніи въ Египтѣ холерной эпидеміи, нельзя поручиться, что эпидемія эта задержится на пути своего распространенія, не проникнетъ въ Европу и не дойдетъ до нашего отечества. Поэтому предположеніе о могущемъ быть заносѣ холеры и убѣжденіе, что сила и скорость распространенія въ какой-нибудь мѣстности всякой заразной эпидемической болѣзни, ея стойкость и свойство обусловливаются дурнымъ санитарнымъ устройствомъ данной мѣстности и недостаткомъ гигіэническихъ въ ней мѣропріятій, приводятъ меня къ заключенію, что

настоящее время есть самая благопріятная пора для достиженія лучшаго оздоровленія всѣхъ мѣстностей ввѣренной мнѣ губерніи, а равно и для возможно большаго оповѣщенія ея жителей о тѣхъ необходимыхъ гигіэническихъ мѣрахъ, которыя ведутъ къ огражденію здоровья вообще и предохраняютъ людей отъ зараженія холерою въ частности. Береженаго и Богъ бережетъ.

Въ силу этого и на основаніи ст. 844—878 Устав. Врачеб. т. XIII св. зак. предлагаю во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, помѣщичьихъ усадьбахъ и селеніяхъ принять между прочимъ слѣдующія предупредительныя мѣры къ охраненію народнаго здравія заблаговременно, т. е. нынѣ же, такъ какъ приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ во время появленія холеры, вмѣсто ожидаемой пользы можетъ принести одинъ вредъ.

1. Озаботиться о тщательнѣйшей очисткѣ площадей, улицъ, дворовъ, домовъ, выгребныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ, назначивъ для своза нечистотъ особыя удаленныя отъ селеній мѣста, гдѣ означенныя нечистоты зарывать въ ямы или тщательно ихъ дезинфекцировать карболовой кислотой (2-хъ 5% растворъ) или хлориновой известью (1 ф. 1 ведро) самыя выгребныя ямы и отхожія мѣста также дезинфекцировать карболовою кислотою, а тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ и возможнымъ дезинфекцировать дома, казармы, тюрьмы, а также и другія зданія, служащія сборищемъ для народа, какъ-то: бани, школы, торговыя заведенія и проч., при чемъ съ большою выгодою дезинфекція этихъ помѣщеній можетъ быть произведена по выведеніи оттуда людей, сжиганіемъ достаточнаго количества сѣры при разъобщеніи помѣщеній отъ наружнаго воздуха.

2. Строго наблюдать, чтобы вода, употребляемая жителями, была чистая, здороваго качества и бралась бы изъ проточныхъ источниковъ, или изъ колодцевъ, глубоко вырытыхъ въ землѣ и отнюдь неимѣющихъ никакого сообщенія съ выгребными ямами или отхожими мѣстами. Стоячія воды по возможности отводить отъ селеній, строго запрещая употребленіе этой воды не только въ пищу и питье, но также для мытья половъ, стирки бѣлья и прочихъ потребностей.

3. Возможно чаще подвергать строгому полицейско-медицинскому надзору продукты, продаваемые въ пищу и для питья, устраняя отъ продажи все незрѣлое и испорченное отъ продолжительнаго храненія и вредныхъ подмѣсей.

и 4. **Предостерегая всѣхъ, кому это еще неизвѣстно, о предрасполагающемъ вліяніи злоупотребленія спиртными напитками къ заболѣванію холерою, предлагать имъ необходимую осторожность и умѣренность въ пищѣ и питьѣ; оповѣщая о несомнѣнной пользѣ дезинфекціи, совѣтовать не скупиться на пріобрѣтеніе обеззараживающихъ средствъ, имѣя въ виду, что каждая истраченная съ этою цѣлію копѣйка не только благопріятно отразится на общемъ здоровьѣ, но и можетъ повести къ сбереженію значительныхъ матеріальныхъ суммъ въ случаѣ возникновенія холеры, когда, для прекращенія этой болѣзни, потребуются уже болѣе обширныя, а слѣдовательно и болѣе дорогія, санитарныя и медицинскія мѣры.**

Подлинный подписали:

Губернаторъ *Дембовецкій.*

За врачебнаго инспектора помощникъ *Исаевъ.*

Дѣлопроизводитель *Ивицкій.*

ВЫПИСКА

изъ одобреннаго медицинскимъ совѣтомъ представленія медицинскаго департамента по вопросу «о медико-полицейскихъ дѣйствіяхъ для предупрежденія и пресѣченія холерной эпидеміи, въ случаѣ появленія таковой внутри Имперіи.»

Карантинныя мѣры, принятыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 29 іюня и 14 іюля сего года на морскихъ границахъ, ограждаютъ имперію отъ занесенія холеры изъ Египта морскимъ путемъ, но не устраняютъ опасности занесенія ея со стороны сухопутной границы.

Отсюда проистекаетъ необходимость заблаговременно установить еще и такія санитарныя мѣропріятія, которыя, вполнѣ соотвѣтствуя указаніямъ опыта и науки, существующимъ на сей предметъ законоположеніямъ и наличнымъ силамъ и средствамъ административныхъ, городскихъ, земскихъ и общественныхъ учрежденій, могли бы быть безъ промедленія приняты для пресѣченія холерной эпидеміи въ случаѣ обнаруженія токовой внутри Имперіи.

Исторія предшествовавшихъ холерныхъ эпидемій и современ-

ный взглядъ людей науки на сущность холеры, выразившійся—по случаю холерной эпидеміи въ Египтѣ—въ единодушномъ примѣненіи всею Европою строгихъ карантинныхъ мѣръ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что наиболѣе цѣлесообразными санитарными мѣропріятіями противъ холеры должны быть признаны тѣ, которыя основываются на принципѣ абсолютной изоляціи.

Но если этотъ принципъ въ примѣненіи къ борьбѣ съ холерою можетъ быть проведенъ съ значительною строгостію и полнотою на морскихъ границахъ и можетъ охранить извѣстную мѣстность отъ занесенія заразы морскимъ путемъ, то не представляется возможнымъ утверждать, что этотъ принципъ—въ случаѣ обнаруженія холеры между населеніемъ оберегаемой мѣстности—можетъ быть осуществленъ въ надлежащихъ размѣрахъ и съ положительнымъ результатомъ при помощи сухопутныхъ карантинныхъ учрежденій, потому что 1) опытомъ дознано, что самые строгіе военно-санитарные сухопутные кардоны не въ силахъ воспрепятствовать занесенію болѣзни изъ зараженной мѣстности въ сосѣднія—благополучныя; 2) своевременное распознаніе первыхъ случаевъ холерныхъ заболѣваній въ данной мѣстности и проистекающее изъ сего своевременное же объявленіе этой мѣстности не благополучною—на практикѣ трудно достижимы и 3) своевременное, полное и строгое разобщеніе холерныхъ больныхъ отъ здоровыхъ весьма часто оказывается не возможнымъ по причинѣ недостатка больницъ и затрудненій въ устройствѣ временныхъ помѣщеній.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что санитарныя мѣры, предназначаемыя для пресѣченія холерной эпидеміи въ зараженной мѣстности и противъ распространенія ея сухимъ путемъ въ благополучныя, удовлетворяя общему принципу абсолютной изоляціи, въ тоже время должны быть согласованы съ указаніями науки и опыта предшествовавшихъ эпидемій и сообразованы съ спеціальными условіями нашего отечества.

Наукою прочно установленъ тотъ фактъ, что вмѣстилищемъ и распространителемъ холерной заразы служатъ главнымъ образомъ изверженія холерныхъ больныхъ. Отсюда ясно, что въ ряду противухолерныхъ мѣръ первою и главною—должно быть своевременное и полное уничтоженіе или обеззараживаніе холерныхъ изверженій.

Такъ какъ эта санитарная мѣра, т. е. уничтоженіе и обеззара-

живаніе холерныхъ изверженій, можетъ быть осуществляема повсюду, въ городахъ и селеніяхъ при помощи самыхъ доступныхъ, дешевыхъ и простыхъ средствъ и подъ руководствомъ каждаго разумнаго человѣка, то несомнѣнно, что такое видоизмѣненіе принципа изоляціи можетъ оказаться по своимъ практическимъ результатамъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и благодѣтельнымъ;—всѣ же остальныя противухолерныя санитарныя мѣры будутъ относиться къ первой, какъ второстепенныя и вспомогательныя.

Дальнѣйшее развитіе этой основной мысли требуетъ, чтобы: 1) было производимо особенное тщательное врачебное наблюденіе надъ всѣми случаями подозрительныхъ по холерѣ заболѣваній и строгая повѣрка діагноза каждаго даннаго случая. Этою мѣрою до извѣстной степени обезпечивается своевременное распознаніе первыхъ случаевъ заболѣванія азіатскою холерою и наибольшая достовѣрность основаній для объявленія данной мѣстности неблагополучною,—ибо въ противоположномъ случаѣ, т. е. при слишкомъ позднемъ обнаруженіи эпидеміи—въ громадной степени увеличится опасность отъ холеры какъ для зараженной, такъ и для сосѣднихъ мѣстностей; слишкомъ же поспѣшное и ошибочное объявленіе о неблагополучіи извѣстной мѣстности съ одной стороны возбуждаетъ напрасную и вредную панику въ обществѣ, а съ другой—подрываетъ довѣріе къ распоряженіямъ по санитарной части; 2) чтобы подлежащіе административные органы угрожаемой мѣстности имѣли точныя и полныя свѣдѣнія о наличныхъ средствахъ и силахъ для борьбы съ эпидеміею, т. е. о количествѣ медико-санитарнаго персонала, о числѣ больничныхъ помѣщеній, о запасѣ дезинфекціонныхъ веществъ и т. д., а равно о способахъ возможно скораго пополненія всего недостающаго, и чтобы въ случаѣ недостатка надлежащихъ матеріальныхъ средствъ могли быть возбуждаемы ходатайства о пособіи со стороны правительства; 3) чтобы населеніе угрожаемой мѣстности было заранѣе ознакомлено съ угрожающею опасностію и со средствами и способами для борьбы съ нею.

На основаніи этихъ соображеній и въ виду того, что успѣхъ всякаго мѣропріятія наиболѣе обезпечивается единствомъ дѣйствій и точностію и опредѣленностію требованій, обращенныхъ къ подлежащимъ органамъ, представляется цѣлесообразнымъ и необходимымъ предложить въ руководство губернскимъ и уѣзднымъ властямъ ниже-

слѣдующія основныя правила для медико-полицейскихъ дѣйствій на случай появленія холеры внутри Имперіи.

I. Въ мѣстностяхъ, которымъ угрожаетъ опасность занесенія холеры необходимо:

1) съ полученіемъ всякаго оффиціальнаго или частнаго извѣстія о заболѣваніи схожими съ холерою припадками немедленно производить строгое разслѣдованіе свойства болѣзни и тщательно наблюдать за ея теченіемъ и исходомъ;

2) всѣ изверженія (рвотою и низомъ) сомнительныхъ по холерѣ больныхъ, а равно предметы, бывшіе у нихъ въ употребленіи во время болѣзни, немедленно уничтожать или дезинфицировать посредствомъ сожиганія, зарыванія въ землю или засыпки ею, или растворовъ одного изъ слѣдующихъ средствъ: сублимата, карболовой кислоты, хлорной извѣсти и другихъ;

3) усилить санитарный надзоръ на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ и рѣчныхъ пристаняхъ, въ ночныхъ домахъ, гостинницахъ, трактирахъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ лечебныхъ заведеніяхъ, тюрьмахъ, казармахъ, школахъ, помѣщеніяхъ рабочихъ артелей, на рынкахъ, площадяхъ и базарахъ, на ярмаркахъ, въ монастыряхъ и т. д. и строго наблюдать за тщательною очисткою улицъ, площадей, дворовъ, домовъ, помойныхъ и выгребныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ и дезинфекціею этихъ послѣднихъ.

4) заблаговременно приспособить больницы или устроить временныя помѣщенія и холерные госпитали, а равно пункты для врачебнаго дежурства, снабдить ихъ надлежащимъ количествомъ персонала, медикаментовъ, бѣлья, льда и т. д. и озаботиться приспособленіемъ помѣщеній для здоровыхъ на случай эвакуаціи ихъ;

5) немедленно отдѣлять прибывающихъ сомнительныхъ больныхъ въ приспособленные для сего больницы и дома;

6) усилить надзоръ за водоснабженіемъ населенія, т. е. за состояніемъ колодцевъ, рѣкъ и другихъ источниковъ воды и воспретить пользоваться водою тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся при изслѣдованіи загрязненными;

7) усилить надзоръ за съѣстными припасами, продаваемыми на рынкахъ, базарахъ въ лавкахъ и трактирахъ, и немедленно уничтожить всѣ вещества, найденныя дурнокачественными и испорченными,

какъ-то: незрѣлые и загнившіе плоды, овощи, картофель, мясо, рыбу, молоко и т. п.;

8) заблаговременно заготовить дезинфицирующія средства;

9) предупредить аптекарей о необходимости сдѣлать запасъ потребныхъ медикаментовъ;

10) заблаговременно раздѣлить населенныя мѣста на участки для болѣе удобнаго производства поголовнаго санитарнаго осмотра, опроса и наблюденія и избрать участковыхъ попечителей;

11) заблаговременно распространить въ народѣ печатное наставленіе о сущности предохранительныхъ мѣръ и о необходимости всеобщаго, дружнаго и энергичнаго содѣйствія въ дѣлѣ обнаруженія случаевъ заболѣванія и уничтоженія или обеззараживанія изверженій больныхъ;

12) въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія и городскія учрежденія, осуществленіе санитарныхъ мѣропріятій предоставить губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ и городскимъ думамъ, въ остальныхъ же губерніяхъ возложить на Комитеты общественнаго здравія, при содѣйствіи со стороны полиціи.

13) При появленіи случаевъ заболѣванія холерою въ какой-либо мѣстности и по объявленіи ея неблагополучною, подлежащіе органы сосѣднихъ, еще благополучныхъ, но угрожаемыхъ мѣстностей, должны: а) своевременно оповѣщать населеніе своего района о существующей опасности заноса болѣзни прибывающими изъ зараженной мѣстности людьми и предметами; б) указать наилучшій способъ очистки и дезинфекціи; в) издавать наставленіе о правилахъ индивидуальной профилактики; г) сдѣлать распоряженіе о производствѣ санитарнаго наблюденія по участкамъ, особенно въ центрахъ скопленія бѣднаго рабочаго класса населенія; объявлять объ условіяхъ пріема больныхъ въ лѣчебныя заведенія и объ адресахъ лицъ и мѣстъ, куда слѣдуетъ обращаться за пособіемъ, лекарствами и т. д. и е) открывать врачебные пункты для подаянія помощи заболѣвающимъ и учреждать пріюты для призрѣнія не имущихъ.

II. При появленіи въ какой-либо мѣстности холерныхъ заболѣваній мѣстные власти должны:

14) немедленно объявить о семъ во всеобщее свѣдѣніе;

15) сдѣлать распоряженіе, чтобы подающіе помощь врачи, хо-

злева, домовладѣльцы, главы семействъ и т. д. возможно раньше извѣщали полицію о каждомъ случаѣ заболѣванія холерою;

16) немедленно открыть врачебные пункты для безвозмезднаго подаянія первоначальной помощи противъ холернаго поноса и для раздачи дезинфекціонныхъ веществъ бѣднѣйшей части населенія;

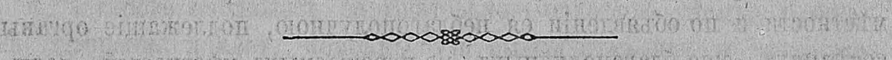
17) принять мѣры къ разобщенію больныхъ въ приспособленныхъ для сего помѣщеніяхъ, больницахъ или холерныхъ госпиталяхъ;

18) строжайше наблюдать за уничтоженіемъ и дезинфекціею холерныхъ извержений, зараженныхъ предметовъ (бѣлья, платья, постели) и помѣщеній;

19) сдѣлать распоряженіе о возможно скоромъ погребеніи умершихъ отъ холеры, гдѣ можно,—на особыхъ холерныхъ кладбищахъ, о предварительномъ засыпаніи труповъ извѣстью, о возможно глубокомъ зарываніи ихъ, о недопущеніи постороннихъ лицъ къ покойникамъ;

20) принять мѣры для предупрежденія опасности отъ торговли старымъ платьемъ и тряпьемъ;

21) дѣлать ежедневныя оффиціальныя публикаціи о ходѣ эпидеміи, о смертности, о принятыхъ мѣрахъ, ихъ успѣшности, о пунктахъ подаянія помощи, о свободныхъ мѣстахъ и т. д.

СОДЕРЖАНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Именной Высочайшій указъ Правительствующему Синоду.—Высочайшія повелѣнія.—Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Виталію, Епископу Могилевскому и Мстиславскому.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Циркулярное предложеніе Могилевскаго губернатора гг. предводителямъ дворянства, непремѣннымъ членамъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, уѣзднымъ исправникамъ, Могилевскому полиціймейстеру, городскимъ головамъ, городовымъ и сельскимъ врачамъ, становымъ и частнымъ приставамъ, полицейскимъ надзирателямъ и помощникамъ приставовъ,—относительно предохранительныхъ мѣръ на случай появленія въ Россіи холерной эпидеміи.—Выписка изъ одобреннаго медицинскимъ совѣтомъ представленія медицинскаго департамента по вопросу о медико-полицейскихъ дѣйствіяхъ для предупрежденія и пресѣченія холерной эпидеміи, въ случаѣ появленія таковой внутри Имиеріи.

Редакторъ *Д. Тихомировъ.*

Дозволено цензурою. 1883 г. 11 ноября. Церзоръ, Протоіерей *В. Лепешинскій*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 ноября № 14. 1883 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ЗНАЧЕНІЕ СВ. ПОСТОВЪ.

Постъ.... какимъ жесткимъ, суровымъ представляется слово это нынѣ многимъ, даже изъ добрыхъ Христіанъ! И все-же учрежденіе постовъ основано на словѣ Божіемъ; говорятъ о постахъ и Ветхій и Новый Завѣты. Господь нашъ Іисусъ Христосъ не только Самъ постился, но далъ на этотъ счетъ повелѣнія и Своимъ ученикамъ. Въ нагорной проповѣди Господа для совершенія нѣкоторыхъ великихъ дѣлъ любви постъ поставляется даже необходимымъ условіемъ.

Если же для самыхъ учениковъ Господа постъ доженъ былъ, по установленію Господа, имѣтъ великое значеніе, то тѣмъ болѣе для міра онъ дѣло вовсе не второстепенное. Чѣмъ болѣе, особенно въ наше время, развита въ обществѣ страсть къ разнаго рода наслажденіямъ и удовольствіямъ, тѣмъ болѣе, значитъ, основаній существуетъ ждать отъ истиннаго христіанина, что онъ ратовать будетъ противъ нихъ самымъ дѣломъ, будетъ упражняться въ противномъ, тѣмъ искреннѣе воспользуется для того средствами, рекомендованными въ самомъ словѣ Божіемъ.

Мало того. Постъ извѣстенъ многимъ и языческимъ народамъ, какъ древняго, такъ и новаго времени. У нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ соединяемъ былъ съ бичеваніемъ себя, кроеніемъ тѣла ножами и проч. (напр. у жрецовъ Ваала на Кармилѣ, 3 Царствъ 18, 28), чѣмъ язычники думали настроить боговъ по отношенію къ себѣ благопріятно и вынудить у нихъ исполненіе различныхъ своихъ желаній.

Но и тамъ, гдѣ посты наблюдаемы были безъ подобныхъ ужасовъ, какъ народомъ, такъ и частными лицами, они всегда считались учрежденіемъ богоугоднымъ.

У народа Израильскаго первоначально, относительно постовъ, не было опредѣленныхъ законныхъ постановленій. Самъ Моисей получилъ законъ во время 40-дневнаго поста, и все-же въ Пятокнижіи его встрѣчается относительно поста только одно постановленіе: предписывался постъ во дни очищенія (Лев. 16, 29. 31). Тѣмъ не менѣе, какъ въ народѣ Еврейскомъ, такъ и у отдѣльныхъ его личностей посты были обычны издревле; принято было поститься въ знакъ печали общественной и при частныхъ несчастіяхъ. О такихъ постахъ говорится напр. въ 1 Царствъ, 7, 6; 2 Царствъ 12, 6. Воздерживались при этомъ отъ пищи или вовсе или отчасти и продолжали наблюдать это воздержаніе въ теченіе болѣе или менѣе короткаго времени, не мылись, не умащали волосъ, носили грубыя одежды, спали на жесткихъ постеляхъ, ходили босыми; все это служило знакомъ внутренней печали. Но эти символическія состоянія, первоначально бывшія лишъ средствомъ, въ послѣдствіи стали считаться сами въ себѣ за цѣль, достойную усилій, за дѣло достойное человѣка, стоющее награды отъ Бога, какъ ему угодное. Пророки возставали противъ такого безсодержательнаго поста; такъ ревновалъ противъ этого Іоиль (2, 12. 13), Исаія (58, 4) и др., но они не могли остановить этого извращенія въ учрежденіи первоначально чистомъ и святомъ. Во время Вавилонскаго плѣна и въ послѣдующія затѣмъ времена посты наблюдаемы были чисто фарисейски, въ чемъ Господь и обличалъ іудеевъ. Такъ, изъ Евангелія отъ Луки (18, 12) мы знаемъ, что поститься дважды въ недѣлю было признакомъ строгаго іудея.

Обличая постъ, фарисейски наблюдаемый, Господь поста тѣмъ однако же не отмѣнилъ. Самъ Онъ постился въ теченіе 40 дней, находясь въ пустынѣ и далъ Своимъ ученикамъ правила праваго наблюденія постовъ (Мѳ. 6, 17 и др.); въ послѣдующее же время, для совершенія нѣкоторыхъ чудесныхъ дѣлъ, безусловно указалъ на постъ, какъ на средство (Мѳ. 17, 21).

Поэтому-то посты наблюдаемы были и въ Апостольской церкви; постились по нѣкоторымъ поводамъ, какъ сами Апостолы (Дѣян. 10, 9; 1 Кор. 9, 27; 2 Кор. 6, 5), такъ и цѣлыя христіанскія общины

(Дѣян. 13, 2; 14, 23). По смерти Апостоловъ, посты стали получать характеръ закона, ибо обусловливаться стали не произволеніемъ и охотой каждаго въ данный моментъ или время, а начали они пріурочиваться къ извѣстнымъ днямъ и временамъ. Уже во II-мъ столѣтіи стало входить у христіанъ въ повсемѣстный обычай поститься дважды въ недѣлю, въ среду—въ память преданія Христа, въ пятокъ же—въ воспоминаніе распятія Его. Но когда секта монтанистовъ, настаивая на постахъ, начала стараться усилить черезъ то свое вліяніе въ Церкви, Церковь указала этому средству покаяннаго исправленія жизни правыя времена и цѣли.

Все же 40-дневные посты предъ праздниками Пасхи и Рождества Христова возникли лишь въ IV вѣкѣ; другіе изъ постовъ, наблюдаемыхъ нашей Церковію, произошли еще позднѣе. Но не во времени происхожденія ихъ здѣсь дѣло, а въ томъ, что они были плодомъ христіанскаго духа, уподоблявшаго себѣ міръ. Отреченія отъ міра и самоотверженія отъ Своихъ учениковъ постоянно требовалъ какъ Господь Самъ, такъ равнымъ образомъ и Апостолы постоянно напоминали христіанскимъ общинамъ о трезвенности и бодрствованіи. При высокомъ призваніи Христіанина, съ другой стороны—при слабости человѣческой нашей природы, какими иными средствами и можетъ быть поддерживаемо въ насъ благородство цѣлей и расположеній? Для насъ, призванныхъ къ славнымъ благамъ небеснаго Царства, всѣ остальныя блага имѣютъ значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой не препятствуютъ достиженію высшаго блага; воздерживаться отъ удовольствій то тѣхъ, то этихъ, которымъ міръ отдается всецѣло, для христіанина потому неизбѣжно, если онъ не хочетъ превратиться въ соль, потерявшую свою соленость. Такое воздержаніе сугубо необходимо для внутренняго очищенія и для освобожденія себя изъ рабства дурнымъ навыкамъ. Для дѣйствія Духа Божія чрезъ это душевное очищеніе предуготовляется благопріятная почва, и Онъ тѣмъ дѣйственнѣе тогда освящаетъ свой сосудъ. Это освященіе внутренняго человѣка совершается медленно, сопровождается постоянно вновь возникающей внутренней борьбой, и не иначе можетъ совершиться, какъ при строгомъ наблюденіи за внѣшнимъ человѣкомъ. *Представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумнаго служенія вашего* (Римл. 12, 1), умоляетъ Апостолъ; но только подъ условіемъ умерщвленія въ тѣлѣ

нашемъ всего земнаго грѣховный нашъ человѣкъ можетъ быть приведенъ въ то состояніе, при которомъ всѣ силы и тѣла и духа посвящаетъ онъ нераздѣльно на служеніе Богу. Съ этой точки зрѣнія постъ оказывается для христіанина дѣйствительнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ. Именно потому, что и питьемъ и ѣдой отягощается чувство и отвлекается отъ небеснаго призванія, и должны быть наблюдаемы воздержность и постъ.

Но какъ всѣмъ на свѣтѣ человѣкъ злоупотребляетъ, такъ измѣняется имъ произвольно и природа поста христіанскаго. И для христіанина отклониться здѣсь отъ идеи истиннаго поста столь же легко, какъ легко было то и для іудея и для язычника.

Истинный постъ долженъ быть наблюдаемъ по свободному къ тому расположенію, долженъ быть благовременъ и умѣстенъ, долженъ сопровождаться правымъ настроеніемъ духа.

Свобода же обусловливается искренностію; не внѣшнимъ только образомъ должно воздерживаться отъ пищи и питья, но и въ сердцѣ дурные помыслы подавлять. Истинный постъ долженъ быть обнаруженіемъ чистоты сердечной и средствомъ для противодѣйствія притязаніямъ чувственности. Въ Ветхомъ Завѣтѣ постъ обозначается выраженіемъ: *душу смирять* (Лев. 16, 29); и Господь нашъ выражается подобнымъ же образомъ, когда состояніе поста и печали сопоставляетъ одно съ другимъ (Мѳ. 9, 15). Уже пророки возставали противъ поста только внѣшняго, безъ соотвѣтственныхъ внутреннихъ расположеній (Іоил. 2, 12. 13; Зах. 7, 5; 8, 19; Ис. 58, 4). И Господь Самъ предостерегалъ отъ искушенія полагать значеніе поста во внѣшности лишь и въ мелочахъ: *Поститесь не предъ людьми, принимая на себя мрачныя лица, но предъ Отцемъ Небеснымъ, видящимъ тайное* (Мѳ. 6, 16—18).

Признакомъ истиннаго поста служитъ далѣе смиреніе. Со свободой и искренностію оно находится въ тѣсной связи; постъ и возникаетъ изъ печали по Богѣ, производящей раскаяніе во спасеніе, раскрытіе во внутреннемъ человѣкѣ новой жизни. Обновленіе же этой жизни должно выразиться въ измѣненіи всего образа поведенія, въ иномъ распредѣленіи времени, въ дружественности и любвеобиліи обращенія, въ трезвенности работъ призванія, во всей семейной нашей жизни; во всемъ этомъ должно отразиться живое общеніе нашей души съ Богомъ и вліяніе сего общенія на измѣненіе нашего поведенія.

Кромѣ этихъ качествъ къ христіанскому посту относятся еще дѣла любви. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ пророкъ Исаія взывалъ къ народу: *Раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой; скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ твой; увидишь нагаго, одѣнь, и отъ единокровнаго твоего не укрывайся: вотъ постъ угодный Господу* (Ис. 63, 5—7); за который Онъ благословляетъ насъ и видимо и духовно. И Спаситель постъ, раздачу милостыни и молитву, сопоставивъ между собою, указалъ тѣмъ правый родъ и образъ поста (Мѳ. 6 гл.); молитвою должны мы въ это время быть обращены къ Богу, милостынею къ ближнимъ, постъ необходимъ для насъ самихъ; одно здѣсь обусловливается другимъ. Постъ есть дѣло доброе, слѣдовательно, не только потому, что обусловливаетъ собою дѣла любви, но важенъ онъ и потому дѣйствію, какое производитъ собою на наше сердце. Поститься—это значитъ учиться самоотверженію, учиться обуздывать свою волю, оказывать тѣ или другія услуги ближнимъ.

Итакъ, правый постъ состоитъ въ исправленіи, въ существенномъ, внутреннемъ измѣненіи образа нашей жизни (Дѣян. 9, 9). Вмѣстѣ съ тѣломъ должна быть очищаема отъ грѣховъ и душа.—Тѣло, этотъ храмъ Духа Святаго, должно быть сосудомъ радостей духовныхъ (1 Кор. 6, 19), а не радостей, состоящихъ въ принятіи лишь пищи и питья; чрезъ постъ должно себя пріучать находить высшее удовольствіе въ перваго рода радостяхъ; особенно тому необходимъ онъ, кто несвободенъ отъ искушеній чувственности (Мѳ. 17, 21).—Постъ есть лучшее средство для пробужденія и поддержанія въ себѣ молитвеннаго настроенія духа, бодрости душевной и чистоты мыслей (1 Петр. 6, 8; Дѣян. 9, 3; Дѣян. 10, 30). Въ особенности постъ необходимъ при выслушиваніи, чтеніи, изученіи слова Божія, предъ принятіемъ Св. Таинъ (Дѣян. 13, 1, 3), для подавленія въ себѣ грубости, недружелюбія (Ис. 58, 5; Мѳ. 6, 18; Римл. 14, 15 и др.), при исправленіи воли и согласованіи ея съ волей Божественной (Рим. 12, 1), при жизни достойной христіанина (1 Кор. 9, 27).*

М. Е. В.

---

* «Благовѣстъ». 1883 г. № 9.

ПРОЩАНІЕ МОГИЛЕВСКОЙ СЕМИНАРІИ СЪ СВОИМЪ О. РЕКТОРОМЪ.

Въ 25-й день минувшаго октября мѣсяца Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ св. Синода о назначеніи о. Ректора нашей семинаріи, архимандрита Александра, епископомъ Острожскимъ, викаріемъ Волынской епархіи.

Образованіе свое о. Ректоръ получилъ первоначально въ Рижской семинаріи, куда онъ поступилъ въ 1849 году. По окончаніи въ ней курса въ 1859 году, о. Ректоръ, тогда Андрей Георгіевичъ Заккисъ, принялъ санъ священника и въ теченіе года состоялъ сельскимъ священникомъ въ той же Рижской епархіи. Но въ 1861 году онъ поступилъ въ Рижскую духовную семинарію (состоявшую въ то время не изъ семинарскихъ только, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ училищныхъ классовъ), въ качествѣ учителя церковнаго устава и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. Чрезъ годъ послѣ того онъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію для продолженія образованія. По окончаніи здѣсь курса, о. Андрей Заккисъ, овдовѣвшій еще на 9-мъ мѣсяцѣ послѣ женитьбы, принялъ монашество, съ именемъ Александра, и уже въ санѣ іеромонаха снова вернулся къ мѣсту прежняго своего служенія—въ Рижскую семинарію, гдѣ послѣдовательно былъ преподавателемъ латышскаго языка, затѣмъ—нравственнаго и обличительнаго богословія, гомилетики и каноническаго права, наконецъ—гражданской всеобщей и русской исторіи. Въ 1870 году о. іеромонахъ Александръ, уже имѣвшій тогда степень магистра богословія, правленіемъ семинаріи избранъ былъ на должность инспектора семинаріи. Въ этой должности пробылъ онъ, впрочемъ, недолго: 10-го ноября 1871 года св. Синодъ назначилъ его Ректоромъ нашей семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Такимъ образомъ о. Ректоръ управлялъ нашею семинаріею цѣлыхъ 12 лѣтъ.

Указъ св. Синода о назначеніи о. Ректора епископомъ Острожскимъ полученъ былъ здѣсь 1 ноября, и какъ только сдѣлалось объ этомъ извѣстнымъ, къ о. Ректору стали являться одинъ за другимъ его знакомые для поздравленія. А 6-го ноября, въ воскресенье, сослуживцами о. Ректора былъ устроенъ въ его квартирѣ прощальный вечеръ, который почтилъ своимъ присутствіемъ и Его Преосвященство,

Преосвященнѣйшій нашъ Архипастырь. Преосвященнѣйшій Владыка, впрочемъ, скоро уѣхалъ, а служащіе при семинаріи еще долго оставались въ квартирѣ о. Ректора, проводя время во взаимной дружеской бесѣдѣ. За ужиномъ первый тостъ провозглашенъ былъ инспекторомъ семинаріи П. И. Доброхотовымъ за здоровье уважаемаго о. Ректора, пользовавшагося общимъ расположеніемъ и между учащими и учащимися въ семинаріи. На этотъ тостъ о. Ректоръ отвѣчалъ тостомъ за своихъ сотрудниковъ по семинаріи; при этомъ онъ высказалъ имъ свою искреннюю благодарность за ихъ внимательное и усердное отношеніе къ своему дѣлу, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что если онъ что и сдѣлалъ для блага семинаріи, то благодаря лишь содѣйствію своихъ сослуживцевъ. Въ заключеніе былъ провозглашенъ преподавателемъ семинаріи И. А. Плаксинымъ тостъ за всѣхъ сочувствующихъ о. Ректору.

8-го числа, въ день архистратига Михаила, о. Ректоръ послѣдній разъ совершилъ Божественную литургію въ церкви Богоявленскаго Братскаго монастыря, гдѣ онъ такъ часто совершалъ служеніе въ теченіе 12-лѣтняго своего пребыванія въ Могилевѣ. Въ церкви были какъ ученики семинаріи, освобожденные въ этотъ день отъ уроковъ, такъ равнымъ образомъ и преподаватели. Въ концѣ литургіи о. Ректоръ, видимо растроганный близостію разлуки, обратился къ воспитанникамъ съ прочувствованною прощальною рѣчью.

«Въ послѣдній разъ», говорилъ о. Ректоръ, «я совершилъ великое таинство тѣла и крови Христовой на этомъ святомъ престолѣ,— ибо близъ есть время моего отшествія отъ васъ.»

«Съ грустію оставляю я этотъ святой жертвенникъ, предъ которымъ мы вмѣстѣ молились въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ; съ грустію я покидаю стѣны вашей школы, въ которой мы вмѣстѣ поучались въ законѣ Господни, равно какъ и самый этотъ городъ, въ которомъ остаетесь вы.»

Указавъ затѣмъ на совершившееся при немъ преобразованіе семинаріи по новому уставу и на обновленіе всѣхъ сторонъ ея жизни, равно какъ и на возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня воспитанниковъ семинаріи и пожелавъ своимъ питомцамъ дальнѣйшаго успѣха въ ихъ занятіяхъ, о. Ректоръ сказалъ:

«Гдѣ бы я ни былъ, не перестану слѣдить съ интересомъ за вашей школой, которая была первымъ и послѣднимъ, единственнымъ

учебнымъ заведеніемъ, гдѣ я былъ главнымъ руководителемъ умственнаго и нравственнаго образованія будущихъ пастырей Церкви. Съ живымъ родственнымъ сочувствіемъ всегда пріиму вѣсть о вашихъ успѣхахъ и процвѣтаніи вашей школы.»

«Благодарю васъ лично», продолжалъ затѣмъ о. Ректоръ, «за ваши всегда мирныя и искреннія отношенія ко мнѣ. Могу открыто заявить, что въ продолженіе моего двѣнадцатилѣтняго пребыванія среди васъ ни въ комъ изъ васъ и никогда я не встрѣчалъ ничего подобнаго намѣренной и явной грубости, упорства или строптивости. Сохраните навсегда—и не только къ вашимъ руководителямъ и наставникамъ, но и ко всѣмъ вообще—это мягкое, доброе чувство, которое служитъ лучшимъ выраженіемъ всего нравственнаго развитія и образованія... Я долженъ прибавить къ этому, что то же свойство мягкости и кротости всего болѣе нужно вамъ, и какъ будущимъ служителямъ Бога мира и любви.»

«Съ своей стороны могу сказать, что ни противъ кого изъ васъ, какъ и вашихъ предшественниковъ, я не имѣлъ и не имѣю никакого личнаго чувства недовольства. Сколько могу припомнить, никого изъ васъ я намѣренно не обидѣлъ ни словомъ, ни дѣломъ. Если я возвышалъ свой голосъ, то по чувству долга и заботы о вашихъ успѣхахъ, или о вашемъ нравственномъ улучшеніи. Если я ошибаюсь въ этомъ, если слово мое или дѣло кого-либо обидѣло, или принято какъ обида, то да проститъ мнѣ это ваша юношеская доброта...»

«Съ миромъ въ душѣ я оставляю васъ и миръ Божій призываю на васъ и на вашихъ предшественниковъ, какъ и на тѣхъ, кто будетъ здѣсь послѣ васъ, на ваши занятія и весь бытъ вашъ.»

«Миръ вашей юной душѣ,—да умножаются ваши знанія, а вмѣстѣ съ ними да укрѣпляется въ васъ чувство истины, добра и правды, да возрастаете вы въ мѣру возраста и исполненія Христова и да содѣлаетесь достойными вашего будущаго высокаго служенія... Благословеніе Божіе да почіетъ на вашей дѣятельности и на всей вашей жизни и по выходѣ изъ школы, до конца дней вашихъ. Желаю, чтобы всѣ вы, безъ исключенія, сдѣлались полезными дѣятелями на поприщѣ служенія Церкви и нашей великой странѣ... И да сохранитъ васъ Господь на всѣхъ разнообразныхъ путяхъ вашей жизни.»

«*Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!*»

Такъ заключилъ свое искреннее слово о. Ректоръ, переходя къ обычному церковному служенію.

По окончаніи литургіи, всѣ служащіе при семинаріи, вмѣстѣ съ почетнѣйшимъ городскимъ духовенствомъ, были приглашены въ квартиру о. Ректора на прощальный обѣдъ. Почтилъ своимъ присутствіемъ это собраніе и досточтимый Владыка нашъ, Преосвященнѣйшій Виталій, также совершавшій въ этотъ день служеніе Божественной литургіи въ Спасо-Преображенской церкви. Во время обѣда первый тостъ провозглашенъ былъ Преосвященнымъ Владыкою за о. Ректора—будущаго Епископа Острожскаго. О. Ректоръ съ своей стороны отвѣчалъ на это тостомъ за высокоуважаемаго Архипастыря нашего, Преосвященнѣйшаго Виталія, Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго. Затѣмъ попросилъ себѣ слова преподаватель семинаріи, о. протоіерей В. И. Лепешинскій, и сказалъ:

«Высокопреподобнѣйшій отецъ Ректоръ!»

«Какъ бывшій воспитанникъ здѣшней семинаріи и какъ старѣйшій изъ нынѣшнихъ наставниковъ при ней, я живо теперь представляю себѣ всѣхъ предшественниковъ Вашего Высокопреподобія, по ректорству въ нашей семинаріи, въ періодъ ровно-сороколѣтній, съ 1843 года.»

«Всѣ эти предшественники Ваши дѣйствительно отличались, подобно Вамъ, многими прекрасными качествами: по уму, по сердцу, вообще—по жизни и дѣятельности своей и частной и общественной. Но ни одинъ изъ нихъ не владѣлъ,—по крайней мѣрѣ въ такой степени, въ какой Вы,—однимъ неоцѣненнымъ въ жизни качествомъ, именно: въ лицѣ каждаго изъ Вашихъ предшественниковъ почти всегда какъ-то неизбѣжно высказывалась на первомъ планѣ особа оффиціальнаго начальника, а потомъ уже усматривалась его личность, какъ человѣка, каковъ онъ есть самъ въ себѣ; а въ лицѣ Вашего Высокопреподобія, во всѣхъ Вашихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, на первомъ планѣ всегда свѣтилась для насъ неподдѣльная личность человѣка, каковъ онъ есть,—человѣка прямаго и всегда готоваго на добро.»

«Всякому понятно, что трудно усмотрѣть въ человѣкѣ человѣка, каковъ онъ есть, трудно и мудрецу; недаромъ Божіе слово говоритъ: *кто вѣдаетъ, что въ человѣкѣ?—только духъ человѣка, живущій*

въ немъ. А отъ этой трудности, какъ всякому извѣстно, происходило и происходитъ немало житейскихъ невзгодъ. Но, что касается Васъ, Высокопреподобнѣйшій и досточтимѣйшій отецъ Ректоръ, для насъ этой трудности, въ Вашемъ лицѣ, совсѣмъ не существовало».

«Да поможетъ же Вамъ Богъ за Вашу прямоту, простоту и доброту, да поможетъ въ предстоящемъ Вамъ высокомъ Святительскомъ служеніи и во всей Вашей жизни—на радость Вамъ, святой Церкви и дорогому Отечеству.»

Послѣ этого обратился къ о. Ректору другой преподаватель семинаріи—Д. И. Тихомировъ, выразившій отъ имени всѣхъ своихъ сослуживцевъ общее ихъ искреннее сочувствіе къ о. Ректору, «какъ добрѣйшему, всегда простому и прямодушному ихъ начальнику.» «Наши взаимныя отношенія, говорилъ г. Тихомировъ о. Ректору, обыкновенно были просты и откровенны; не было между нами никакихъ недоразумѣній. Съ Вами, о. Ректоръ, всегда, по какому угодно вопросу, можно было говорить прямо, откровенно; и Вы тоже съ своей стороны всегда отвѣчали на наши откровенныя объясненія и заявленія такою же откровенностію.» Указавъ затѣмъ на важность этой черты въ отношеніяхъ между людьми, уже по самому положенію своему близко стоящими между собою и постоянно соприкасающимися другъ съ другомъ въ разныхъ сторонахъ своей дѣятельности, и отдавъ должную дань уваженія о. Ректору за его простой и прямодушный характеръ, г. Тихомировъ продолжалъ: «Но что особенно цѣнилъ я въ Васъ, о. Ректоръ,—это Вашу доброту: доброта, самая неподдѣльная доброта всегда была отличительною чертою Вашего характера, и мы не могли не уважать ея въ Васъ. Благоразумная доброта въ начальникѣ учебнаго заведенія—это такое благо, замѣнить которое едва-ли чѣмъ возможно. Намъ вѣдь приходится имѣть дѣло съ личностями, еще недостаточно опредѣлившимися и окрѣпшими, еще нуждающимися въ воспитательномъ вліяніи на нихъ. Для насъ является, поэтому, надобность быть особенно осторожными въ примѣненіи такихъ мѣръ, выполненіе которыхъ тѣсно связано съ самою судьбою того или другого воспитанника. Можно, конечно, а при извѣстныхъ условіяхъ даже и необходимо прибѣгать къ строгимъ, крутымъ мѣрамъ. Но въ критическую, рѣшительную минуту, когда ребромъ ставится вопросъ о всей судьбѣ провинившагося воспитанника, нужно подумать да и подумать, прежде чѣмъ

одним словомъ, однимъ взмахомъ пера такъ или иначе опредѣлять всю судьбу человѣка. Вотъ почему я не могъ не цѣнить въ васъ и не ставить Вамъ въ заслугу того, что всякій разъ, какъ только ставился вопросъ о всей судьбѣ воспитанника, Вы всегда старались избрать такое рѣшеніе, какое подсказывалось Вамъ Вашимъ добрымъ сердцемъ, въ предѣлахъ, указываемыхъ благоразуміемъ и закономъ. И я знаю, что эту доброту Вашу цѣнили въ Васъ всѣ—и учащіе и учащіеся или учившіеся въ нашей семинаріи. Всѣ мы смотрѣли на Васъ, какъ на добрѣйшаго и прямодушнаго нашего начальника, и всѣ мы уважали въ Васъ эти качества. Будьте, поэтому, увѣрены, о. Ректоръ,—наше общее сочувствіе къ Вамъ сохранится среди насъ навсегда: Вы уѣдете отъ насъ, но добрая память о Васъ будетъ долго-долго храниться въ здѣшней семинаріи.» Обратившись затѣмъ къ своимъ сослуживцамъ и высказавши увѣренность, что они съ своей стороны вполнѣ раздѣляютъ выраженное сейчасъ предъ о. Ректоромъ искреннее сочувствіе къ нему, какъ добрѣйшему, всегда простому и прямодушному начальнику,—г. Тихомировъ провозгласилъ тостъ за всегдашнее сохраненіе въ отношеніи къ о. Ректору тѣхъ искреннихъ добрыхъ чувствъ, какія питаются къ нему теперь всѣми его сослуживцами. Тостъ этотъ былъ принятъ всѣми съ большимъ сочувствіемъ.

Въ заключеніе былъ провозглашенъ тостъ Его Преосвященствомъ за процвѣтаніе будущей паствы о. Ректора.

По окончаніи обѣда, Преосвященнѣйшій Владыка скоро уѣхалъ, а сослуживцы о. Ректора еще долго оставались въ его квартирѣ, проводя время въ радушной бесѣдѣ съ хозяиномъ.

На другой день, 9-го ноября, во время одной изъ перемѣнъ, о. Ректоръ, уже сдавшій всѣ свои обязанности инспектору семинаріи' пришелъ проститься съ воспитанниками. Всѣ воспитанники собрались въ такъ называемое «круглое зало». Какъ только о. Ректоръ, въ сопровожденіи наставниковъ семинаріи, вошелъ въ это зало, пѣвчіе стройно запѣли концертъ: *Вси языцы восплещите руками*. По окончаніи концерта, о. Ректоръ обратился къ ученикамъ съ своимъ прощальнымъ словомъ. Тутъ о. Ректоръ охарактеризовалъ свои всегда прямыя, проникнутыя искреннею доброжелательностію отношенія къ воспитанникамъ, равно какъ и добрыя отношенія къ нему всѣхъ воспитанниковъ; сказалъ, что онъ и по отъѣздѣ отсюда, гдѣ

бы ни находился, никогда не забудетъ лучшихъ дней своей жизни, проведенныхъ въ здѣшней семинаріи, и въ заключеніе пожелалъ воспитанникамъ еще лучшихъ успѣховъ и еще большаго нравственнаго усовершенствованія. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ воспитанниковъ, держа въ рукахъ изящную, въ красивомъ кіотѣ, икону св. Александра Невскаго, обратился къ о. Ректору съ рѣчью, въ которой выразилъ тѣ искренніе чувства, которыми одушевлены теперь всѣ его сотоварищи.

«Вотъ настаетъ минута разлуки съ Тобой», говорилъ онъ, обращаясь къ о. Ректору,—«минута грустная, тягостная и незабвенная для насъ! Мы ясно сознаемъ, что въ Тебѣ разъ навсегда лишаемся нашего добраго Отца, всѣми любимаго, незабвеннаго руководителя!» Указавъ потомъ на заботы о. Ректора о благѣ воспитанниковъ семинаріи, онъ продолжалъ: «Наши предшественники, проникнутые чувствомъ благодарности, всегда благословляютъ и будутъ благословлять Тебя, съ любовію и благоговѣніемъ произнося Твое имя. Позволь же и намъ, добрый нашъ Отецъ, выразить Тебѣ это же чувство благодарности и глубокой признательности за Твою многолѣтнюю плодотворную дѣятельность на пользу насъ и нашего заведенія, а также подѣлиться тѣми чувствами, которыми переполнены сердца наши въ эту грустную для насъ минуту».

«Ты оставляешь насъ,—Господь призываетъ Тебя на новый путь, гдѣ, безъ сомнѣнія, для Тебя откроется болѣе широкое поле дѣятельности, гдѣ Твои заслуги будутъ болѣе цѣнны, труды еще болѣе полезны. Неподдѣльное чувство преданности и уваженія къ Тебѣ, та любовь, которую пріобрѣлъ Ты своими заботами о насъ, своей снисходительностію, добротою и кротостію заставляютъ сердца наши сжиматься при одной мысли, что Ты уже не нашъ, что Твои заботы и старанія будутъ направляться на пользу другихъ, болѣе счастливыхъ, чѣмъ мы, въ этомъ отношеніи. Но то же чувство любви, горячая преданность Тебѣ, готовность сочувствовать всякой удачѣ и неудачѣ Твоей заставляютъ радоваться, что Правосудный Господь какъ-бы въ вознагражденіе за Твои труды призываетъ Тебя теперь на еще болѣе высокую ступень служенія Себѣ. Мы утѣшаемся вмѣстѣ съ тѣмъ надеждою, что та нравственная связь, которая прочно установилась между Тобою и нами, не прекратится никогда; что и въ разлукѣ нашей святое чувство любви и преданности

не перестанетъ служить связующимъ звеномъ между нами. Какъ Ты, такъ и мы, будемъ молить Милосердаго Владыку, да сохранитъ Онъ Тебя, благословитъ и утвердитъ на новомъ пути Твоемъ. Вотъ, эта икона святаго Александра Невскаго пусть будетъ прочнымъ залогомъ и доказательствомъ той любви и уваженія, которыя питаютъ и всегда сохранятъ преданные Тебѣ твои ученики. Прими же ее, какъ знакъ благожеланія, признательности и памяти, отъ Твоихъ питомцевъ. Прости намъ тѣ огорченія, которыя мы, по свойственному намъ непостоянству и увлеченію, причиняли Тебѣ сознательно или невольно; а мы будемъ всю жизнь нашу молить Господа, да сохранитъ Онъ Тебя отъ всѣхъ неудачъ Твоей жизни, да продлитъ Онъ ее на многая, многая лѣта!»

Вслѣдъ за этимъ всѣ воспитанники стройно пропѣли о. Ректору «многая лѣта». А о. Ректоръ взявъ икону, подъ которою на серебряной дощечкѣ была выбита надпись: «Прими отъ насъ послѣдній знакъ памяти, любви и благодарности. Ученики Могилевской духовной семинаріи. 1883 года 9 ноября»,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ: «Эта святая икона да будетъ мнѣ живымъ напоминаніемъ о васъ и тѣхъ добрыхъ чувствахъ, какія вы питаете ко мнѣ; всякій разъ, когда я буду молиться предъ нею, она будетъ напоминать мнѣ объ оставленной мною семинаріи и о моей нравственной обязанности молиться о васъ, служа, такимъ образомъ, средствомъ живаго общенія между мною и вами, не смотря на дальность раздѣляющаго насъ разстоянія». Послѣ этого о. Ректоръ сталъ прощаться съ воспитанниками, цѣлуя и благословляя каждаго изъ нихъ. Многіе изъ воспитанниковъ при этомъ разставаніи съ добрымъ своимъ о. Ректоромъ не могли удержаться отъ слезъ и плакали...

12-го ноября о. Ректоръ предположилъ отправиться въ Петербургъ, гдѣ имѣетъ быть совершено его нареченіе и рукоположеніе во епископа Острожскаго. Изъ Петербурга онъ намѣренъ прямо проѣхать къ мѣсту своего новаго служенія, не заѣзжая уже въ Могилевъ.

После прощанія съ учениками о. Ректоръ передалъ П. И. Доброхотову 200 р. для раздачи бѣднѣйшимъ воспитанникамъ семинаріи.

Д. Т—въ.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗЪ ПАСТЫРСКОЙ ПРАКТИКИ.

Священнику постоянно приходится наблюдать, съ какимъ нетерпѣніемъ и благоговѣніемъ въ большинствѣ случаевъ больные ждутъ къ себѣ священника, приглашеннаго для напутствованія ихъ въ загробную жизнь св. таинствами покаянія и причащенія. Зная это, а также очень хорошо понимая, что даже при незначительной потерѣ времени больной можетъ умереть безъ покаянія, каждый священникъ считаетъ своею нравственною обязанностію всегда отправляться къ больному при первомъ же требованіи, не медля ни одной минуты. Но бываютъ въ пастырской практикѣ и такого рода случаи, когда больной далеко не опасно боленъ и для своего выздоровленія не нуждается даже и въ особенной медицинской помощи. Это наиболѣе часто случается обыкновенно въ деревняхъ: больному напр. становится дурно просто съ «похмѣлья» или отъ неумѣреннаго употребленія какой-либо пищи и т. п.; а бываетъ и такъ, что подерутся между собою изъ-за чего-нибудь во время какого-либо праздника крестьяне,—и вотъ потерпѣвшій шлетъ за священникомъ, чтобы имѣть потомъ больше возможности начать тяжбу съ тѣми, которые нанесли ему во время ссоры побои. Что дѣлать священнику въ подобнаго рода случаяхъ? Что отказываться отъ немедленнаго напутствованія больнаго священникъ никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ, это само собою понятно и всякому извѣстно. Но позволительно ли было бы ему не слишкомъ торопиться отправленіемъ къ больному, особенно если будутъ у него въ это время какія-либо другія серьезныя занятія? На первый взглядъ представляется, что это при подобнаго рода обстоятельствахъ вполнѣ естественно и нисколько не предосудительно; но не такъ оно оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи: во-первыхъ, священникъ, при требованіи къ больному, можетъ достовѣрно и не знать о положеніи больнаго, а полагаться на сообщенія другихъ было бы съ его стороны рискованно; во-вторыхъ же, и это главное, можетъ ли священникъ съ несомнѣнностію знать и поручиться, что болѣзнь такого-то ничтожна и никакихъ опасныхъ послѣдствій имѣть не будетъ? Вѣдь извѣстно, что иногда и маловажныя, повидимому, болѣзни оказываются весьма опасными и даже скоротечными, равно какъ и наоборотъ—серьезныя болѣзни оканчиваются благополучнымъ образомъ. Въ виду этого, со стороны

священника будетъ гораздо благоразумнѣе поставить себѣ за правило отправляться къ больному каждый разъ, не медля ни одной минуты (за исключеніемъ, конечно, того случая, когда священникъ, во время литургіи, приступилъ уже къ совершенію таинства евхаристіи) и не придавая никакого значенія видимой неопасности его болѣзни. Насколько ошибочны могутъ быть наши предположенія о состояніи больнаго и насколько, поэтому, нужно быть осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ о немъ, въ поясненіе этого мы приведемъ здѣсь два случая изъ нашей собственной пастырской практики.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, около 1855 г., въ м. Гейшинѣ жилъ старикъ Терентій Евсеевъ, имѣвшій отъ роду лѣтъ 80. Разсказывалъ онъ, что когда путешествовала Екатерина Великая въ Крымъ, онъ при встрѣчѣ Ея въ Гейшинѣ, держалъ церковную хоругвь. Этотъ старикъ не могъ похвалиться, чтобы его три сына покоили его старость, и долженъ былъ иногда питаться трудами своихъ рукъ. Лаптей наплететъ, вѣниковъ навяжетъ,—и добудетъ себѣ кусокъ хлѣба,—терпѣливый и кроткій былъ старикъ. Вижу, однажды, старикъ Терентій идетъ ко мнѣ на дворъ (прежде ко мнѣ онъ не ходилъ). Что Терентій скажешь?»—«Да вотъ, батюшка, къ вамъ съ просьбою. Чую, что приходится умирать—выисповѣдуйте меня и дайте Сакраментъ (мѣстное названіе св. Евхаристіи)».—«Ты бы пообождалъ, старикъ, до воскресенья: пришелъ бы къ заутрени, а за обѣдней и пріобщился бы».—«Нѣтъ, батюшка, въ случаѣ этими днями умру, не добро безъ покаянія идти на тотъ свѣтъ».—Не возражая ему больше, я пошелъ съ нимъ въ церковь, гдѣ послѣ исповѣди, пріобщилъ его запасными св. дарами. Къ утру слѣдующей ночи старикъ Терентій мирно скончался.

Другой случай вотъ какой. Въ деревнѣ Безуевичахъ, былъ крестьянинъ Власъ Ѳедоровъ, старикъ честный, добрый. Съ особеннымъ уваженіемъ относился онъ ко мнѣ и благоговѣйнѣе другихъ присутствовалъ при совершеніи въ деревнѣ молитвословій. Лѣтнею порою, часовъ въ 8 утра, пріѣзжаетъ его сынъ и говоритъ: «отецъ мой проситъ васъ, батюшка, поисповѣдывать его и пріобщить—онъ нездоровъ».—«Отправляйся домой, Михайло,—говорю,—я сейчасъ буду». Часа чрезъ два, подъѣзжаю я къ дому старика Власа, и что-жъ вижу?—самъ Власъ отворяетъ мнѣ ворота, беретъ мою лошадь подъ навѣсъ, а меня приглашаетъ въ избу. Подумалъ я грѣш-

ный: «вотъ, старый,—невидно, чтобы особенно былъ плохъ (онъ всегда былъ слабаго здоровья); напрасно меня звалъ, могъ бы пріѣхать и въ церковь (въ 6 вер.) поговѣть.» Прибравши мою лошадь, входитъ въ избу Власъ. «Ну, что ты, Власъ, вздумалъ исповѣдываться? ужъ не думаешь ли умирать, говорю я; еще поживемъ съ тобою».— «Нѣтъ, батюшка, чувствую, что недолго мнѣ житъ».—Послѣ совершенія исповѣди и св. причастія, старикъ Власъ угостилъ меня медомъ (онъ былъ пчеловодъ), поговорилъ со мною съ полчаса и притомъ сказалъ, что на поминъ его души онъ велѣлъ сыну дать мнѣ улей съ пчелами. Затѣмъ я уѣхалъ. Подъ вечеръ вижу—входитъ ко мнѣ въ домъ опять его сынъ Михайло.—«Ну, что, Михайло?»—съ тревогою спрашиваю его.—«Отецъ померъ, батюшка; пріѣхалъ за вещами,—когда прибудете хоронить?» Перекрестился я съ молитвою о упокоеніи усопшаго и мысленно повторилъ слова псалмопѣвца: *Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ....*

Священникъ *Михаилъ Леплинскій.*

ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

Привѣтствіе Преосвященнѣйшаго Виталія, Епископа Могилевскаго, высокопреосвященнѣйшему Тихону, архіепископу Волынскаму и Житомірскому, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея Почаевской лавры.—Сообщая въ предъидущемъ № свѣдѣнія о праздновании Почаевскою лаврою 50-тилѣтія со дня возведенія ея на степень лавры, мы, между прочимъ, упомянули о полученномъ на имя высокопреосвященнѣйшаго Тихона привѣтствіи, которое послано было по этому поводу нашимъ досточтимымъ Владыкою. Теперь въ «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (№ 31) напечатанъ подлинный текстъ этого привѣтствія. Приводимъ его и на страницахъ нашего изданія:

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!»

«Отъ всей души приношу Вашему Высокопреосвященству и старшей братіи Почаево-Успенской Лавры искреннюю мою благодарность за приглашеніе прибыть въ Лавру ко дню пятидесятилѣтняго ея юбилея со дня возведенія на степень православныхъ Лавръ,—для принятія участія въ предстоящемъ многознаменательномъ торжествѣ этой великоименитой обители, находящейся подъ особеннымъ покровительствомъ Царицы Небесной. креннему моему сожалѣнію, возвратившись только 29 сентября изъ

с

третьей своей поѣздки по ввѣренной мнѣ епархіи въ Могилевъ, я нашелъ у себя такъ много дѣлъ, накопившихся въ мое отсутствіе, по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія, что служебныя занятія лишаютъ меня возможности прибыть въ Почаевъ ко дню торжества Лавры. Такое лишеніе тѣмъ болѣе для меня чувствительно, что, въ продолженіе трехлѣтняго своего сопастырскаго служенія на Волыни, имѣвъ счастіе столько разъ служить въ благодатномъ домѣ Преблагословенной Владычицы нашей, Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и съ истиннымъ умиленіемъ припадать къ ея чудотворной иконѣ и къ Святымъ мощамъ великаго угодника Ея и молитвенника предъ Богомъ, Преподобнаго Іова, я нашелъ бы для себя величайшее утѣшеніе, предъ лицемъ этой святыни, въ непосредственномъ молитвенномъ общеніи съ Вашимъ Высокопреосвященствомъ и досточтимою братіею. Мнѣ остается усерднѣйше просить Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, въ наступающій великій для Почаевской Лавры день пятидесятилѣтняго ея юбилея, принять отъ меня и передать Лаврской братіи сердечное мое привѣтствіе и помянуть меня въ святыхъ молитвахъ Вашихъ, при совершеніи Божественной Литургіи.»

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и братской о Господѣ любви и преданности, имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца,

покорнѣйшимъ слугою

Виталій, Епископъ Могилевскій и Мстиславскій.»

«7 октября 1883 г.»

— *Прощаніе съ С.-Петербургскою академіею, о. протопресвитера Іоанна Леонтіевича Янышева.*—19 минувшаго октября состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи ректора С.-Петербургской духовной академіи, протоіерея І. Л. Янышева духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеромъ соборовъ—Благовѣщенскаго въ Москвѣ и Большаго зимняго дворца въ Петербургѣ и управляющимъ придворнымъ духовенствомъ.

Іоаннъ Леонтіевичъ, сынъ діакона Калужской епархіи, по окончаніи образованія въ мѣстной семинаріи, поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ первымъ магистромъ въ 1849 г. Нѣкоторое время состоялъ баккалавромъ математическихъ наукъ въ той же академіи, затѣмъ онъ былъ священникомъ русской православной церкви въ Висбаденѣ, а въ послѣдствіи профессоромъ богословія, логики и психологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ обратилъ общее вниманіе на свои лекціи, посѣщавшіяся всякій разъ огромнымъ количествомъ студентовъ. Опредѣленный чрезъ два года къ русской посольк и

въ Берлинѣ, онъ получилъ званіе протоіерея, а потомъ, при открывшейся вакансіи, по собственному желанію былъ снова переведенъ въ 1859 г. въ Висбаденъ. Въ 1866 г. онъ получилъ назначеніе на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи; былъ потомъ членомъ комитета, созваннаго въ 1868 г. для преобразованія духовныхъ академій, и самъ вводилъ въ дѣйствіе новый академическій уставъ. За труды по этому предмету онъ получилъ въ 1869 г. право ношенія митры. На долю Іоанна Леонтіевича выпало счастіе приготовленія къ принятію православія датской принцессы Дагмары, нынѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ въ послѣдствіи состоялъ все время духовникомъ Ея Императорскаго Величества и былъ воспитателемъ Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ, участвовалъ въ коронаціонныхъ торжествахъ и былъ на освященіи православной церкви въ Копенгагенѣ, состоявшемся въ августѣ текущаго года. Въ 1874 и 75 гг. Іоаннъ Леонтіевичъ, по распоряженію св. Синода, ѣздилъ на конгрессъ старокатоликовъ, собиравшійся оба раза въ Боннѣ, гдѣ шли попытки сближенія старокатоликовъ съ православною Церковію, и занималъ тамъ выдающуюся роль.

23-го октября—въ день прощанія съ академіей—Іоанномъ Леонтіевичемъ было совершено послѣдній разъ богослуженіе въ академической церкви и произнесена трогательная рѣчь, въ которой онъ высказалъ свои чувства, волновавшія его въ данный моментъ, поблагодарилъ сослуживцевъ за снисходительность, прямодушные совѣты и указанія, всегдашнее содѣйствіе и сочувствіе ко всякому благому начинанію, за честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и самоотверженное трудолюбіе на поприщѣ духовнаго просвѣщенія, поблагодарилъ студентовъ за прекрасное пѣніе и разумное чтеніе въ церкви, за учебныя занятія и доброе поведеніе. Затѣмъ, заканчивая свою рѣчь, вознесъ славу и благодареніе Всевышнему за всѣ сѣмена добра и за то, что Онъ сподобилъ его такъ долго участвовать въ академической жизни.

17-ти лѣтняя дѣятельность Іоанна Леонтіевича въ качествѣ ректора С.-Петербургской духовной академіи по достоинству была оцѣнена его сослуживцами, студентами и бывшими слушателями.

Въ день прощанія всѣми служащими въ академіи былъ устроенъ обѣдъ въ квартирѣ инспектора въ честь Іоанна Леонтіевича, при чемъ они поднесли ему изящный альбомъ съ своими фотографическими карточками. Во время обѣда была произнесена рѣчь исправляющимъ должность ректора, заслуженнымъ профессоромъ Е. И. Ловягинымъ, въ которой были высказаны чувства глубокаго уваженія и искренней благодарности, вызванныя долговременнымъ, дѣятельнымъ и многоплоднымъ управленіемъ академіей, болѣе дружественными, нежели начальственными, отношеніями

ко всѣмъ членамъ академической корпораціи, поистинѣ отеческими отношеніями къ студентамъ и попеченіемъ о нихъ,—выражена также увѣренность въ томъ, что эти чувства никогда не изгладятся и будутъ служить какъ-бы живымъ общеніемъ между ними. Затѣмъ произнесъ рѣчь профессоръ М. О. Кояловичъ, въ которой указалъ на самоотверженный трудъ глубокоуважаемаго Іоанна Леонтіевича во время введенія новаго устава, когда академія стала занимать открытое положеніе среди русскаго общества, когда стали дѣлаться публичныя собранія, когда начались публичные ученые диспуты,—указалъ также на умѣнье Іоанна Леонтіевича, въ качествѣ предсѣдателя на Совѣтахъ академіи, мирно сводить къ одному всѣ разнообразныя и нерѣдко своеобразныя мнѣнія, и высказалъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что для Іоанна Леонтіевича академическая жизнь навсегда будетъ предметомъ заботы и живаго интереса.

Студенты при прощаніи поднесли ему въ печатномъ экземплярѣ и прекрасномъ футлярѣ слѣдующій адресъ:

«Ваше высокопреподобіе, глубокоуважаемый отецъ ректоръ
Іоаннъ Леонтіевичъ!»

«Трудно передать словами то чувство глубокой скорби, которое переживаютъ преданные вамъ студенты по случаю вашего выхода изъ академіи. Въ вашемъ лицѣ мы несемъ незамѣнимую потерю и воспоминаніе о васъ, какъ о добромъ начальникѣ и незабвенномъ наставникѣ, никогда не изгладится изъ нашей памяти. Никогда не забудемъ мы того нѣжнаго, сердечнаго, чисто отеческаго къ намъ отношенія, которое такъ благотворно вліяло на наше внутренее развитіе. Вы всегда обращались къ нашему свободно-нравственному сознанію, видѣли въ студентѣ прежде всего человѣка, и человѣчность полагали въ основу всей вашей воспитательной дѣятельности. Вы прилагали всѣ старанія, чтобы обезпечить намъ честный, свободный трудъ, поощряли нашу самодѣятельность, умѣли цѣнить ее и искренно радовались всякому нашему успѣху. Ваша всегда льющаяся изъ самаго сердца рѣчь, ваши всегда прочувствованныя, научно и глубоко обоснованныя, убѣдительныя бесѣды, которыя намъ доводилось слушать и съ церковной каѳедры и въ академическихъ аудиторіяхъ,—никогда не могутъ быть забыты вашими слушателями. Теряя теперь васъ, незабвенный о. ректоръ, мы теряемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашего опытнаго и сильнаго руководителя, теряемъ человѣка, который всегда давалъ намъ твердую нравственную опору, который силою мысли и знанія, силою непоколебимаго убѣжденія и дѣятельной любви неуклонно велъ насъ къ завѣтной цѣли человѣка христіанина,—къ свободѣ нравственной человѣческой личности, стремящейся къ осуществленію чистыхъ требованій Евангелія.»

«Примите же, высокочтимый, незабвенный Іоаннъ Леонтіевичъ, на-

шу глубочайшую сердечную благодарность за все то добро, котораго такъ много сдѣлано вами для академіи и ея питомцевъ. Осмѣливаемся завѣрить васъ, что вашъ семнадцати-лѣтній плодотворный трудъ въ академіи не прошелъ безслѣдно: ваше имя вѣчно будетъ жить среди вашихъ слушателей и питомцевъ. Смѣемъ утверждать, что около вашего имени они соберутъ всѣ свои симпатіи и лучшія воспомнанія и—надѣемся—поставятъ его въ неразрывную связь со всѣмъ, въ чемъ будутъ слышаться отзвуки честной, независимой мысли и видѣться проблески новой, нравственно-свободной жизни».

Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ студентовъ—его слушателей—обратился къ нему, преимущественно какъ къ бывшему профессору по каѳедрѣ нравственнаго богословія, съ дышащею глубокою искренностію рѣчью, въ которой высказалъ отъ лица слушателей благодарность за все содержаніе и направленіе духовной жизни, за его заботы объ усвоеніи студентами ученія святой православной Церкви, какъ цѣльнаго органическаго міровоззрѣнія, указалъ на ясность его научнаго міросозерцанія, глобоко проникнутаго духомъ христіанской любви, на обширную эрудицію, и въ заключеніе просилъ его извинить и забыть всѣ невольно и безсознательно причиненныя ему огорченія и непріятности. (Извлечено изъ «Церков. Вѣст.», № 44).

Хорошо зная личность Іоанна Леонтіевича, и мы съ своей стороны можемъ засвидѣтельствовать, что это былъ выдающійся дѣятель на поприщѣ нашсго духовнаго просвѣщенія, вполнѣ заслужившій то высокое уваженіе и ту глубокую признательность, какія высказаны были С.-Петербургской академіей при ея прощаніи съ нимъ. Въ теченіе 17-лѣтняго своего управленія академіей онъ не по имени только, а *дѣйствительно*, въ полномъ смыслѣ слова былъ ея *ректоромъ:* онъ дѣйствительно *управлялъ* академіей и притомъ *всѣми* сторонами ея жизни. И что особенно замѣчательно,—такое вліяніе Іоанна Леонтіевича основывалось не столько на его оффиціальномъ положеніи, сколько на его высокихъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествахъ. Не было надобности прибѣгать Іоанну Леонтіевичу къ крутымъ какимъ-либо репрессивнымъ мѣрамъ,—его безпрекословно слушались по одному его слову, по одному его взгляду. Самъ высоко-гуманный, онъ и въ другихъ внѣдрялъ такое же гуманное отношеніе ко всѣмъ и всему. Столь же велико было вліяніе Іоанна Леонтіевича на студентовъ и въ качествѣ профессора. Его оживленныя, прекрасныя, полныя научныхъ достоинствъ лекціи всегда выслушивались студентами съ глубокимъ интересомъ, и нерѣдко случалось, что онѣ служили потомъ для студентовъ предметомъ оживленныхъ разсужденій по тѣмъ или другимъ вопросамъ науки. Нельзя не пожелать, чтобы лекціи эти, далеко остав-

ляющія за собою все, что только существуетъ у насъ по нравственному богословію, въ непродолжительномъ будущемъ явились въ печати. Мы увѣрены, что вѣсть о выходѣ Іоанна Леонтіевича изъ академіи была съ грустію встрѣчена всѣми бывшими воспитанниками С.-Петербургской академіи, теперь разсѣянными по всему пространству обширной Россіи, и не одну, полагаемъ, телеграмму, не одно признательное письмо получилъ Іоаннъ Леонтіевичъ отъ учившихся при немъ въ С.-Петербургской академіи. Въ числѣ другихъ, и преподаватели здѣшней—Могилевской—семинаріи,—тѣ, которые получили свое образованіе въ С.-Петербургской академіи,—какъ только получено было извѣстіе, что о. ректоръ простился съ академіей, послали Іоанну Леонтіевичу телеграмму, съ выраженіемъ чувства глубокаго къ нему уваженія и признательности, а равно и сожалѣнія, что наша *alma mater* лишается теперь въ немъ гуманнѣйшаго и высокопросвѣщеннаго руководителя и профессора. *Ред.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открывается подписка на **1884** г. на издаваемые при С.-Петербургской духовной академіи:

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата)

и

«ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ",—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія,*—въ офиціальной своей части, составляющей офиціальный органъ Св. Синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству. въ неофиціальной же части, какъ издаваемый при С.-Петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей, въ которыхъ обсуждаются всѣ важнѣйшіе церковные вопросы): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную, содержащую обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движенія религіозной жизни въ нашей отечественной церкви, по всѣмъ ея епархіямъ; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю

въ Россіи и заграницей, содержащую извѣстія о всѣхъ вообще важнѣйшихъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ печатаются статьи и кореспонденціи различнаго рода.

При журналѣ „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ", составляющемъ прибавленіе къ „Церковному Вѣстнику" и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе *„Толкованія на книгу Псалмовъ"*, и вмѣстѣ съ тѣмъ *„Толкованія на книгу пророка Исаіи"*, такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ „Толкованій").

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ „Толкованіями на Ветхій Завѣтъ"*—**семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ"*—**пять руб.** *за „Христіанское Чтеніе" съ „Толкованіями"*—**пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 руб., за каждый отдѣльно 7 руб. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника" и „Христіанскаго Чтенія", въ С.-Петербургѣ". *Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при „Церк. Вѣстн." (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывшій Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

Объявленія для напечатанія въ «Вѣдомостяхъ» принимаются въ редакціи съ платою въ размѣрѣ 15 к. за строку въ первый разъ и 10 к. въ дальнѣйшіе разы. За разсылку отдѣльныхъ объявленій при изданіи взимается 4 руб.

Редакторъ *Д. Тихомировъ.*

Дозволено цензурою. 1883 г. 11 ноября. Цензоръ, Протоіерей *В. Лепешинскій.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типографія Ш. Фридланда.